

УДК 159.923.2

РОЛЕВАЯ ТИПИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ИНГРУППОВОМУ ДРУГОМУ

Е. В. Рягузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

В статье обобщены исследования различных типов эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому, ранее проведенные автором. Выделены ключевые дихотомии, с помощью которых репрезентируются межличностные взаимодействия и взаимоотношения с различными видами ингруппового Другого: «доверие – недоверие», «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание – непризнание», «открытость – изолированность», «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Обосновывается, что ролевая типизация выступает социально-психологическим механизмом, обеспечивающим специфику репрезентаций взаимодействия личности с Другими, социальную перцепцию и межличностное оценивание.

Ключевые слова: личностные репрезентации, взаимодействии «Я–Другой», межличностные отношения, ролевая типизация, ингрупповой Другой, эмоционально-ценностные отношения.

Role Typification as the Socio-Psychological Mechanism of Formation the Emotional-Valuable Relation of the Personality to Ingroup Other

E. V. Ryaguzova

In article researches of various types of the emotional and valuable relation of the personality to ingroup Other, early carried out by the author are generalized. Key dichotomies, by means of which are represented interpersonal interactions and relationship with different types of to ingroup Other are allocated: «trust – mistrust», «understanding – misunderstanding», «acceptance – alienation», «interest – indifference», «recognition – non-recognition», «openness – isolation», «orientation to deduction in group – orientation to exile from group». Locates that role typification acts as the socio-psychological mechanism providing specifics of representations of interaction of the personality with Others, a social perception and interpersonal estimation.

Key words: personal representations, interaction «I–Other», interpersonal relations, role typification, ingroup Other, emotional-valuable relations.

Проблема социального становления и самоидентификации личности в контексте ее взаимодействий с различными группами и разнообразными Другими, являющаяся частью фундаментальной проблемы социальной адаптации, эффективного социального развития и функционирования личности в социуме, не теряет своей актуальности на протяжении всего периода развития психологической науки. В условиях глубоких социальных

трансформаций, происходящих в современном российском обществе и затрагивающих все сферы его жизнедеятельности, она приобретает особое значение и звучание.

Личность, сосуществуя вместе с Другими и взаимодействуя с ними на разных уровнях – социальном, групповом, межличностном, в различных сферах – деятельности, общения, переживания, отношения, конструирует субъективные репрезентации взаимодействия «Я – Другой», которые оказывают существенное влияние и определяют характер ее реальных взаимодействий и взаимоотношений с другими социальными акторами. В связи с этим поиск факторов и механизмов конструирования личностью репрезентаций взаимодействия с различными Другими, описание их содержания и особенностей, обуславливающих характер отношений к Другому и формирование определенных поведенческих стратегий, необходимо для разработки способов достижения личностью внутренней согласованности и выстраивания эффективного взаимодействия с Другим как субъектом деятельности, общения, переживания.

Целью данной статьи является анализ ролевой типизации как социально-психологического механизма формирования эмоционально-ценностного отношения личности к Другому, включенному в малую группу, на основе ее репрезентаций взаимодействия «Я–ингрупповой Другой».

Г. С. Саливанн утверждает, что жизнь человека можно рассматривать как систему межличностных отношений, при этом личность позиционируется в виде относительно постоянной конфигурации этих отношений, которая предназначена для объяснения взаимосвязей и взаимовлияний людей. Эта конфигурация представляет собой продукт социокультурной адаптации, включает черты и потенциальные возможности индивида, поддержанные социальным окружением в детстве. Учёный подчеркивает роль тревожности, обусловленной межличностными отношениями и постоянно сопровождающей личность при контактах с другими людьми, считая, что причиной ее появления является значимый Другой, одобрения которого ребенок пытается заслужить,

или неодобрения, которого стремится избежать. Г. С. Салливан отмечает, что сама тревожность выступает источником личностной динамики, а сформированность чувства межличностной надежности у ребенка оптимизирует процесс общения¹.

По мнению Т. Лири, любой акт поведения по отношению к Другому может быть представлен как комбинация определенных вкладов по осям «любовь – ненависть» и «доминирование – подчинение». Исходя из этих бинарных оппозиций, он описывает восемь различных вариантов межличностных отношений: властно-лидирующий; независимо-доминирующий; прямолинейно-агрессивный; недоверчиво-скептический; покорно-застенчивый; зависимо-послушный; ответственно-великодушный; конвенционально-сотрудничающий².

В. В. Столин, в свою очередь, расширяет эти представления, полагая, что как эмоциональный компонент отношения личности к Другому, так и поведенческий компонент, манифестирующий это отношение, являются сложными и многомерными. Они включают в себя такие шкалы, как «симпатия–антипатия», отражающая глобальную оценку Другого; «уважение–неуважение» как его ценностное принятие; «близость–отдаленность» как показатель межличностной дистанции и «доминирование–подчинение», «зависимость–независимость», «сотрудничество–конкуренция» как возможные поведенческие паттерны³.

В основу теории межличностных отношений У. Шутца (FIRO theory) положена трехфакторная модель межличностных потребностей или желаний, в рамках которой межличностные отношения рассматриваются на трех уровнях: поведенческом, аффективном и на уровне Я-концепции⁴. Он выделяет следующие поведенческие проявления межличностных отношений, которые выступают их маркерами: включенность, отражающая интенсивность контактов личности с Другими; контроль, связанный со степенью зависимости личности от Другого; открытость, указывающая меру готовности личности делиться эмоциональными состояниями с Другими.

В контексте данной статьи эмоционально-ценностное отношение личности к Другому анализируется как социальная установка личности относительно Другого, сформированная в тех или иных социокультурных условиях и обусловленная личностными особенностями. Она имеет трехчленную структуру и включает в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, каждый из которых репрезентируется с помощью различных дихотомий. Индикатором эмоционально-ценностного отношения личности к Другому выступает личностная репрезентация взаимодействия «Я–Другой», конструирование которой детерминировано социально-психоло-

гическими факторами, а именно включенностью личности в социокультурный контекст и ее социально-психологическими свойствами (проактивность, готовность к эмоциональному отклику, ответственность, склонность к сотрудничеству, вовлеченность в жизнедеятельность группы), обеспечивающими межличностное восприятие и социальную оценку.

В качестве Другого в фокусе нашего исследовательского интереса находится ингрупповой Другой, под которым понимается представитель реальной малой ингруппы (группы, в которую включена личность), разделяющий с нею сходный культурный образец и систему релевантностей, имеющий примерно одинаковое с личностью социальное положение, определенный группой психометрический статус, занимающий то или иное место в субъективном пространстве личности в соответствии с системой ее субъективных предпочтений, аттрактивных выборов и предписанной Другому типичной ролью. Ингрупповой Другой может отличаться от остальных представителей малой группы по каким-либо признакам и полностью не соответствовать групповым нормам и стандартам, продолжая вместе с тем оставаться членом данной малой группы.

На основе проведенного эмпирического исследования, направленного на изучение влияния личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» на формирование поведенческих стратегий личности⁵, было выявлено, что с помощью личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» возможны реконструкция имеющихся у личности установок и прогнозирование стратегий межличностного взаимодействия.

Ингрупповой Другой может вызывать у личности симпатию и интерес, желание вступить с ним контакт и поддерживать устойчивую коммуникацию, в этом случае по отношению к нему формируется позитивная установка и реализуется поведенческая стратегия «от Я к Другому». При взаимодействии с представителем ингруппы может активизироваться амбивалентная установка личности, основной характеристикой компонентов которой выступает двойственностью: когнитивный компонент может быть представлен как интересом, так и стереотипным знанием, эмоциональный – как равнодушием, так и симпатией, а поведенческий – кооперацией, координацией или конфронтацией, при этом специфичность проявлений тех или иных составляющих установки личности относительно Другого во многом определяется позицией, действиями и поступками Другого по отношению к ней, формируя поведенческую стратегию личности «от Другого к Я». Еще один вариант интеракции личности с ингрупповым Другим основывается на актуализации негативной установки, касающейся Другого, содержание которой характеризуется

ярко выраженной антипатией, враждебностью, агрессией, аберрацией представлений об ингрупповом Другом, конфронтацией, доминированием, нападением, проявляясь в целом в поведенческой стратегии «Я против Другого».

В ходе исследования на основе изучения личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» была выявлена еще одна стратегия поведения личности – «Я без Другого», которая проявляется в желании отгородиться от Другого, минимизировать любые контакты с ним и связана с отчуждением и дистанцированием личности от группы, ее стремлением к эскапизму, желанием существовать в ирреальном вымышленном мире. На наш взгляд, эта установка базируется на защитной проекции личности, актуализированной для ослабления базальной тревоги, снижения личностной и ситуативной тревожности, порожденных ложными идентификациями, и недостатком Я-образов, обусловленным отсутствием реальных контактов с Другими и значимой для личности информации, полученной от них.

Следовательно, специфика личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» определяет модальность установок личности (позитивная, негативная, амбивалентная и нейтральная), сформированных или/и на основании интерперсонального опыта личности, или/и посредством интернализации готовых, фиксированных в культуре и обществе социальных представлений.

Конструирование образа Другого происходит с помощью ролевой типизации и приводит к формированию различных стратегий взаимодействия, некоторые из которых являются конструктивными («от Я к Другому» или «от Другого к Я»), способствующими эффективной адаптации, коммуникации и ориентированными на развитие и личностный рост, тогда как другие («Я против Другого» и «Я без Другого») деструктивны и не только искажают характер взаимодействий с Другим/Другими, но и блокируют процессы самопознания и самопонимания.

Значение личностной репрезентации взаимодействия «Я – Другой» для саморазвития и самораскрытия личности можно наглядно продемонстрировать, используя известную психологическую модель межличностных отношений «Окно Джохари»⁶, модифицированный вариант которой рассматривается (табл. 1). С помощью обратной связи, полученной личностью от Другого, и информации, переданной при взаимодействии Другому, происходит трансформация субъективных представлений личности о себе и конструирование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» за счет расширения «открытой зоны» («open area»), сужения «слепой» («blind area») и «скрытой» («hidden area») областей и, в целом, активизации процессов самораскрытия и самопознания личности, обусловливающих уменьшение «неизвестной зоны» («unknown area»).

Таблица 1

Значение личностной репрезентации взаимодействия «Я – Другой» для самопознания

Личностные репрезентации взаимодействия Я – Другой		
Другой	Я	
Субъективные представления Другого о личности	Субъективные представления личности о себе	
Другой знает о личности	Личность знает о себе	Личность не знает о себе
	Вопрос и рассказ Другому (обратная связь)	
	Открытая зона	Слепая зона
Другой не знает о личности	Скрытая зона	Неизвестная зона

Личность, взаимодействуя с Другим, раскрывает себя и одновременно открывает в себе то, что вне подобной интеракции остается для нее недоступным и скрытым, тем самым способствуя собственному личностному развитию и росту. Указанная трансформация происходит, в том числе, благодаря конструированию личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которые, являясь социально-психологическими образованиями, влияют на формирование социальных установок личности, определяют стратегии ее взаимодействия с другими субъектами и особенности межличностных отношений.

Ролевая типизация выступает одним из социально-психологических механизмов, опреде-

ляющих специфику сконструированных репрезентаций и характер эмоционально-ценностного отношения личности к Другому. В её основе находятся социальные представления, стереотипы и эталоны, зафиксированные в культуре того общества, к которому принадлежит личность; групповые нормы, оценки и ожидания, транслируемые группой, в которую она включена; биографическая ситуация личности, ее индивидуально-психологические особенности и интерперсональный опыт.

Рассмотрим связь ролевой типизации, эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому и ее поведенческих стратегий (табл. 2).

Таблица 2

Рольевая типизация, эмоционально-ценностное отношение и стратегии взаимодействия личности с ингрупповым Другим

Рольевая типизация	Модальность эмоционально-ценностного отношения	Стратегия поведения
Друг, товарищ, приятель	Позитивная	От Я к Другому
Иной	Амбивалентная	От Другого к Я
Чуждый, чужой, враг	Негативная	Я против Другого
Чуждый	Нейтральная	Я без Другого

Проанализируем рольевые типизации на примере таких типичных репрезентаций взаимодействия, как «Я – Друг», «Я – иной Другой» и «Я – чуждый Другой».

Личностная репрезентация взаимодействия «Я – Друг» отражает представления личности о дружеских связях и отношениях, зафиксированных в культуре и усвоенных в ходе социализации, в основе которых находится доверие к Другому, восприятие себя и Другого как самобытных индивидуальностей. Дружба – это и особый вид межличностного взаимодействия, и личное отношение, и нравственная ценность, и поддерживающий ресурс личности, и источник ее самопознания.

Проведенный контент-анализ вербальных описаний Друга позволил выделить целый комплекс его функциональных характеристик, которые в результате факторного анализа были сгруппированы в четыре обобщенных фактора: обоюдное доверие (15% дисперсии), взаимный реципрокный альтруизм (14,2%), эмпатический резонанс (12,2%), безусловное принятие (11,5% дисперсии)⁷.

Анализируя эти результаты, можно констатировать, что основными шкалами, репрезентирующими дружеские взаимоотношения и взаимодействия, являются следующие: «доверие», выступающее базой любых устойчивых взаимодействий личности, предполагающее открытость Другу, вовлечение его в собственный внутренний мир и активное самопознание; «интерес», обусловленный наличием согласованных ценностей и личностных смыслов, формирующихся и трансформирующихся в процессе социализации; «понимание», усиливающее и подтверждающее аутентичность и ценность личности для себя и для Другого; «принятие», означающее не только признание ценности личности Другого, но и стимулирование ее самовыражения и самоактуализации.

Личностная репрезентация взаимодействия «Я – иной Другой» обозначает субъективное представление личности об ее интеракциях и взаимоотношениях с членом ингруппы, демонстрирующим те или иные девиации относительно групповых норм, стандартов и прототипической позиции группы⁸. С точки зрения группы, иной Другой имеет отличия от группового прототипа, которые могут касаться как внешнего облика,

включая физические отклонения, недостатков характера, проявляемых в социальном поведении, так и родовой стигмы расы, национальности или религии. Как правило, иной Другой либо вызывает отрицательные эмоции и агрессивные действия со стороны группового большинства, либо ему демонстрируется полное равнодушие и игнорирование. Иной Другой, вынужденно занимающая позицию «чужой среди своих», не может рассчитывать на социальную поддержку группы и ее ресурсные возможности, более того, группа заставляет его принять чуждые для него Я-образы, что вызывает внутриличностные конфликты и психологический дискомфорт. Мы уже писали о том, что во многих языках такой ингрупповой Другой именуется как «белая ворона», «черная овца», «паршивая овца», «козел отпущения», выявив символический и психологический смыслы этих неоднозначных метафор⁹. Отличие иного Другого сопряжено с непониманием и отчуждением как со стороны отдельной личности, так и группы в целом, перемещением его на низкостатусную позицию в группе, а при определенных обстоятельствах группа легко избавляется от компрометирующего члена, влияющего на ее репутацию. Соответственно, эмоционально-ценностное отношение к ингрупповому Иному может быть представлено с помощью таких шкал, как «непонимание», «отчуждение», «равнодушие», «ориентация на изгнание из группы».

Наличие личностной репрезентации взаимодействия «Я – чуждый Другой» (или «близкий Чуждой» по Г. У. Солдатовой¹⁰) является показателем эмоционально-ценностного отношения личности с членом ингруппы, с которым у нее существует определенная негативно-окрашенная аффективная история отношений, предполагающая наличие в индивидуальном прошлом опыте личности интенсивной стрессовой ситуации, доминантной причиной, основным источником и главным действующим лицом в которой являлся этот человек, его поступки, действия, высказывания. Можно привести достаточное количество примеров, когда до недавнего времени близкие люди, включенные в одну и ту же формальную или неформальную группу (семья, школьный класс, профессиональная команда, компания друзей), связанные устойчивыми позитивными межличностными отношениями,

общими целями и разделяющие одинаковые взгляды, сопоставимые ценности, сходные личностные смыслы, по определенным причинам (например, измена, предательство, клевета) разрывают эти отношения, внезапно становясь совершенно чужими друг другу. В предельном случае эмоционально-ценностное отношение между такими людьми может утрачивать ценностную составляющую, тогда Другой типизируется как враг, а модальность эмоциональных отношений, испытываемых личностью относительно чуждого Другого, приобретает интенсивно негативный, враждебный, агрессивный и деструктивный характер, разрушая не только межличностные отношения, но и саму личность.

Таким образом, анализ ролевой типизации показал, что она выступает одним из социально-психологических механизмов, обеспечивающих формирование эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому.

Репрезентации взаимодействия личности с разными видами ингруппового Другого отличаются по содержанию субъективного представления, характеру предполагаемого собственного действия относительно Другого и его ожидаемого отклика. Они опираются на ролевую типизацию, каждая из которых обуславливает свои поведенческие стратегии и коммуникативные особенности, детерминируется как социокультурным контекстом и групповыми процессами, так и индивидуально-психологическими особенностями личности и ее опытом. Эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому можно репрезентировать следующими основными шкалами, представляющими собой бинарные оппозиции: «доверие – недоверие», «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание

– непризнание», «открытость – изолированность», а также «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Именно эти шкалы позволяют выявлять и диагностировать эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому.

Примечания

- 1 См.: Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999. 347 с.
- 2 См.: Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 1998. 512 с.
- 3 См.: Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 288 с.
- 4 См.: Schutz W. C. On group composition // J. Abn. Soc. Psychol. 1961. Vol. 62. P. 275–281.
- 5 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено (см.: Рягузова Е. В. Стратегии взаимодействия с ингрупповым Другим // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 4(7). С. 245–249).
- 6 См.: Ладанов И. Д. Окно Джогари : взгляд внутрь себя. URL: http://www.elitarium.ru/2007/05/04/okno_dzhogari_vzgljad_vnutr_sebja.html (дата обращения: 08.06.2012).
- 7 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено в (см.: Рягузова Е. В. Личностные репрезентации дружеского взаимодействия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 76–80).
- 8 См.: Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.
- 9 См.: Рягузова Е. В. Психологические риски ингрупповых интеракций // Учён. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та. Сер. Психология. Педагогика. 2011. Т. 4, № 2. С. 24–30.
- 10 См.: Солдатова Г. У., Макачук А. В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006. 256 с.

УДК 316.613

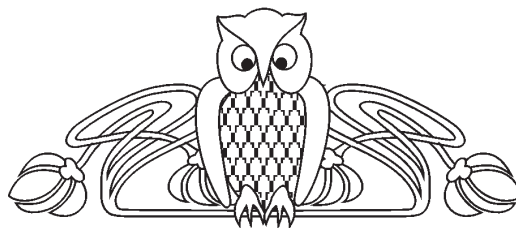
О НЕКОТОРЫХ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ

Т. В. Семёнова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana_semenova_1973@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к феномену счастья. Показаны результаты исследования гендерных различий представлений о счастье. На основе эмпирического исследования выделены дескрипторы, представляющие понятие о «мужском» и «женском» счастье.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, ценности, гендерные различия.

Some Gender Differences of Happiness

T. V. Semenova

The article discusses the different approaches the concept of happiness. Shows the results of studies of gender differences in the representation of happiness. On the basis of empirical research